

Флеминг Ян

Осьминожка

- Знаешь-ка что? - сказал майор Декстер Смит осьминогу. - Ты сегодня получишь истинное наслаждение, если мне удастся кое-кого поймать. Он сказал это вслух, и от его дыхания стекло маски фирмы "Пирелли" запотело. Поставил ноги на песчаное дно поблизости от коралловой глыбы и выпрямился. Вода доходила до подмышек. Он сдернул маску, плюнул в нее, протер стекло, промыл его начисто и, натянув маску на голову, снова наклонился.

Глаз крапчатого коричневого бурдюка по-прежнему внимательно следил за ним из коралловой норы, однако один кончик его небольшого щупальца с покачивающимися верхними розовыми присосками нерешительно высывался на дюйм-два из мрака. Декстер Смит удовлетворенно хмыкнул. Было бы время, возможно всего один месяц вдобавок к тем двум, что он приручал осьминожку, и она была бы укрощена, как миленькая. Но у него не было этого месяца. Может, попытаться сегодня вместо обычного куска сырого мяса, нанизанного на гарпун, самому опуститься вниз и предложить щупальцу руку? Так сказать, поздороваться? "Ну нет, осьминожка, - подумал он. - Я еще не могу тебе довериться". Почти наверняка другие щупальца тотчас метнутся из норы и захватят руку. Достаточно им утянуть его под воду даже меньше, чем на два фута, как пробковый клапан маски автоматически закроется, и он или задохнется, или же утонет, если успеет сдернуть ее. Он сможет еще нанести резкий удар гарпуном, но, чтобы убить осьминожку, этого явно не хватит. Нет, не сейчас. Позже. Получится, как в игре в русскую рулетку, и почти с теми же шансами - пять к одному. Так можно быстро и эксцентрично выпутаться из затруднения. Но не сейчас. Один очень интересный вопрос может остаться не решенным. Ведь он пообещал этому милому профессору Бенгри из института... Декстер Смит расслабленно поплыл к рифу, в то время как его глаза напряженно выискивали на дне зловещные очертания клинообразной рыбы-скорпены или, как назвал бы ее Бенгри, *Scorpaena plumieri*.

Кавалер ордена Британской империи, майор Королевской морской пехоты в отставке Декстер Смит - когда-то храбрый и находчивый офицер, статный мужчина, охотно демонстрировавший сексуальный строй своих зубов, особенно перед женским вспомогательным персоналом из сухопутных войск, ВМС и армейской транспортной службы. Девчата обеспечивали работу коммуникационных линий и секретариата специальной оперативной группы, в которую его включили под конец служебной карьеры. Теперь же ему - пятьдесят четыре, на голове начинает появляться лысина, а когда он только в плавках фирмы "Джантзен" видно, как провисает его животик. И у него было уже два приступа коронарного тромбоза, причем второй - всего лишь месяц назад ("Второе предупреждение", как шутливо выразился при появлении Декстера Смита на Ямайке доктор Джими Гривз, игрок в покер в "Клубе Принца"). Впрочем, в хорошо подобранной одежде, когда укрыты от посторонних взглядов вздувшиеся вены и спрятан живот, благодаря безукоризненному поясу и подтяжкам, на вечеринках с коктейлем или на обедах, устраиваемых на "Северном побережье" острова, его все еще считали стройным мужчиной. Для друзей и соседей Смита было непонятно, почему несмотря на то, что лечащий врач запретил ему выпивать больше нескольких капель виски и ограничил его десятком сигарет в день, он продолжал дымить, как труба, и каждый вечер добирался до кровати изрядно перебрав.

А правда заключалась в том, что Декстер Смит подошел к той грани, за которой начинает просматриваться стремление умереть. Причин для такого состояния духа

хватало, и они не являлись слишком сложными. Он крепко привязался к Ямайке, и тропическая праздность разъяла его настолько глубоко, что внешне он напоминал вроде бы прочно стоящее дерево, хотя его ядро давно превращено в труху термитами лени, излишней снисходительности к себе, чувства вины за какие-то прошлые грехи и общего отращения к собственной личности. С тех пор, как два года назад умерла Мэри, он никого не полюбил. Он не был уверен в том, что и ее-то по-настоящему любил, но чувствовал, что каждый час и день ему не хватало ее любви к нему и ее веселого, шумного, ворчливого, а зачастую и раздражающего присутствия. К международным отбросам общества, в котором Смит вращался на "Северном побережье", он не испытывал ничего, кроме ненависти, хотя, бывало, и мартини пил, и закусывал за их счет. Он мог бы подружиться с более солидными людьми, например фермерами, владельцами плантаций на побережье, местными интеллектуалами, политиками, но это означало бы возвращение к тем серьезным ценностям жизни, против которых восставали его душа и ленивое тело. Так что вопрос о сокращении выпивок он перед собой ставить не собирался. Смит все решительно надоело, надоело до смерти, и, если бы не один жизненный момент, он давно бы опустошил бутылку веронала, которую легко достал у местного врача. Линия жизни, заставлявшая его карабкаться к краю пропасти, была незамысловатой. Горькие пьяницы весьма отчетливо проявляют свои темпераменты, и к какому типу из классической четверки они относятся - сангвиникам, флегматикам, холерикам или меланхоликам - определить легко.

Пьяница-сангвиник надирается до впадения в истерику и идиотизм; флегматик погружается в трясину мрачного уныния; холерик - ожившая пьяная дерущаяся карикатура из мультфильма, значительную часть времени вынужден проводить в тюрьме за избиение людей и порчу вещей; наконец, меланхолик становится жертвой слезливой сентиментальности и жалости к самому себе. Майор Смит был явно выраженным меланхоликом с бредовой идеей о содружестве с птицами, насекомыми и рыбами, населявшими принадлежащую ему территорию виллы "Маленькие волны" площадью пять акров, включая пляж и коралловый риф (данное им название вилле весьма симптоматично). Особой благосклонностью майора пользовались рыбы. Он называл их "люди", а так как и рыбы, и большинство маленьких птичек постоянно крутились вокруг рифа, через два года он знал их всех, нежно любил и верил, что они отвечают ему взаимностью.

И они узнавали его. Как обитатели зоопарков узнают зрителей, тем более что он ежедневно снабжал их пищей, собирая водоросли и тщательно перемешивая песок и камушки для обитателей дна, разбивая морские яйца и разделявая морских ежей для небольших хищников, принося падаль и требуху для крупных. Вот и теперь, когда он медленно и тяжело проплывал мимо рифа, его "люди" бесстрашно сновали вокруг, натываясь на трезубец, который в их представлении был лишь ложкой-кормилицей, - заглядывали прямо в стекло маски, а самые бесстрашные и драчливые даже пощипывали за ноги. Интуитивно майор Смит узнавал всех этих прекрасно раскрашенных маленьких "людей" и мысленно приветствовал их. "Доброе утро, прекрасная Грегори", - это темно-голубой драгоценной рыбке с яркими крапинками, которая в точности повторяла картинку в рекламе флакона духов "В ночи". "Прости, не сегодня, дорогая" - это уже трепещущей рыбке-бабочке с фальшивыми черными глазами на хвосте. "Все-таки ты очень толст, мой мальчик", к рыбе-попугаю цвета индиго, вес которого, должно быть, достигал добрых десяти фунтов. Однако сегодня предстояла работа, и глаза высматривали лишь одного из "людей" - его единственного врага на рифе, единственного, которого он убьет сразу же, рыбу-скорпену.

Рыба-скорпена обитает в большинстве южных морей мира, причем ее вест-индская разновидность достигает в длину лишь около двенадцати дюймов, с

весом один фунт. Это, несомненно, самая уродливая морская рыба, как если бы сама природа предупреждала о грозящей опасности при встрече с таким крапчатым серо-коричневым существом с клинообразной щетинистой головой и мясистыми "бровями", нависающими над злыми красными глазами. Окраска и силуэт рыбы обеспечивают ей прекрасный камуфляж на рифе. Хотя сама рыба-скорпена и маленькая, ее набитый зубами рот настолько широк, что может заглотить большинство из обитающих у рифа рыб. Ее сверхоружие размещается в шипах спинных плавников, которые, действуя при контакте как иглы для подкожного впрыскивания, соединены с ядовитыми железами, содержащими достаточное количество дотоксина для убийства человека. При этом достаточно быть лишь слегка оцарапанным в уязвимом месте. Для пловца у рифов рыба-скорпена представляет значительно большую опасность, чем барракуда или акула, потому что, уверенная в своем камуфляже и своем оружии, она сдвигается с места лишь при приближении или даже прикосновении к ней. Но и в этом случае скорпена отплывает только на несколько ярдов. Покачивая широкими странной расцветки грудными плавниками, скорпена обычно устраивается на песке, где напоминает выступ разросшегося коралла, или же прячется среди камней и водорослей, где фактически исчезает из вида.

Майор Смит был полон решимости найти скорпену, пронзить ее гарпуном, принести Осьминожке и понаблюдать, съест она ее или выплюнет, распознает ли ядовитость рыбки. Съест осьминог только тело и оставит плавники? Съест все? А если так, подействует ли на него яд? Вот вопросы, на которые ждет ответа профессор Бенгри в институте. Поэтому, зная, что на вилле "Маленькие волны" ему больше не жить, Смит сегодня ответит на них. Пусть даже ценой гибели миленькой Осьминожки, но он оставит в память о своей нынешней пустой жизни хотя бы небольшой след в каких-нибудь пыльных морских биологических архивах института. И все потому, что за последние два часа и без того постылая жизнь майора Смита повернулась к нему еще более худшей стороной. Настолько худшей, что ему просто посчастливится, если через несколько недель он отделается приговором суда о пожизненном заключении. Эти недели - время, необходимое для обмена телеграммами между Домом правительства на Ямайке и Министерством по делам колоний в метрополии, далее секретной службой, и затем - со Скотланд-Ярдом и государственным прокурором. А вся заваруха началась с появлением на вилле человека по имени Джеймс Бонд, который примчался на такси в десять тридцать утра из Кингстона.

Вообще-то день начался как обычно. Проснувшись, майор Смит проглотил две таблетки панадола, аспирин ему нельзя было принимать из-за сердца, постоял под душем, позавтракал в тени зонтиков миндальных деревьев и целый час кормил остатками еды птичек. Затем принял предписанную врачом дозу антикоагулянта и таблетки от давления, просмотрел местную газету "Дейли Глинер" - просто чтобы убить время до легкого завтрака (вот уже несколько месяцев, как он с обычных одиннадцати утра перенес его на десять тридцать). И только налил себе первую порцию крепкого бренди с имбирным элем, так называемого пойла пьяницы", как услышал мотор подъезжающего автомобиля.

Луна, содержательница дома, из местных цветных женщин, вышла к нему в сад и объявила на корявом английском:

- Джентльмен хочет видеть вас, майор.
- Как его имя?
- Он не сказал, майор. Он просил передать вам, что приехал из Дома правительства.

Кроме шорт цвета хаки и сандалий, на майоре ничего не было.

- Хорошо, Луна. Проводи его в жилую комнату и скажи, что буду через минуту.

Через задний вход он прошел в спальню, надел рубашку и брюки, пригладил волосы. "Дом правительства! Какого черта?" Но только майор Смит появился в жилой комнате и увидел стоящего у окна и смотрящего на море высокого мужчину в темно-голубом тропическом костюме, сразу же учуял дурные вести. А когда мужчина медленно повернулся и взглянул внимательными и серьезными серо-голубыми глазами, понял, что визит официальный. Не получив ответа на дружелюбную улыбку, убедился - да, официальный визит. По спине пробежала дрожь. "Они" как-то пронюхали.

- Я - Смит. А вы, я полагаю, из Дома правительства? Как поживает сэр Кеннет?

О том, чтобы поздороваться, вопрос как-то не стоял. Мужчина ответил:

- Я с ним не встречался. Я приехал всего пару дней назад и большую часть времени провел в поездках по острову. Меня зовут Бонд, Джеймс Бонд. Я из Министерства обороны.

Майор припомнил древний эвфемизм для секретной службы и почтительно произнес:

- О, старая фирма?

Вопрос был проигнорирован.

- Мы можем здесь где-нибудь побеседовать?

- Вполне. Где вы хотите. Можно здесь или в саду? Хотите выпить? - Майор Смит позвенел льдом в бокале, который все еще держал в руке. - Ром и имбирь - чистая местная отравка. Я предпочитаю чистый имбирь.

Ложь выскочила из алкоголика непроизвольно.

- Спасибо, не надо. Здесь вполне можно поговорить.

Мужчина небрежно оперся на подоконник, сработанный местным краснодеревщиком. Майор Смит уселся в удобное кресло, развязно перекинул ногу через подлокотник, взял стоящий с другой стороны от кресла бокал, сделал большой глоток и поставил на место, стараясь, чтобы не дрожала рука.

- Итак, - бодро произнес он, глядя мужчине прямо в глаза, - чем могу быть полезен? Что, кто-нибудь на побережье занялся грязной работенкой и вам нужна помощь? Буду рад снова впрячься в работу. Хотя и много времени прошло с тех пор, но кое-что я еще могу сделать, не забыл старые трюки.

- Вы не возражаете, если я закурю?

Мужчина уже вытащил свой портсигар и держал в руке. Ясно, что он был сделан из старых гильз, и майора Смита такая слабость оппонента вполне устраивала.

- Ну, конечно же, дружище, - он попытался было приподняться с зажигалкой наготове.

- Спасибо, не надо. - Джеймс Бонд уже прикурил сигарету.

- Да нет, к местным делам это не относится. Я бы хотел... Вы знаете, меня направили... Не могли бы вы припомнить некоторые подробности о вашей работе в службе в конце войны?

Бонд сделал паузу и внимательно посмотрел на майора Смита:

- В частности, когда вы работали в Бюро специальных операций.

У майора Смита вырвался нервный смешок. Ну конечно же, все это он предвидел, был даже уверен именно в таком исходе. Но когда вопрос прозвучал из уст только что прибывшего мужчины, этот смех все-таки больше напоминал вскрик человека, по которому ударили совершенно неожиданно.

- Боже мой, доброе старое Бюро, - он опять рассмеялся и внезапно почувствовал застарелую боль в горле и груди. Быстро вытащил из кармана брюк пузырек с таблетками и сунул одну под язык. При этом от него не ускользнуло, как напрягся в этот момент посетитель, как сузились его глаза. "Ничего, ничего, мой дорогой, это не яд".

- Вас ацидоз никогда не мучил? Нет? А меня он буквально валит с ног, когда

немножко заложу за воротник... Вчера на вечеринке в отеле "Ямайка"... Знаете, все-таки пора прекратить вести себя так, будто тебе по-прежнему двадцать пять лет... Ну, как бы то ни было, давайте вернемся к нашему разговору о Бюро. Думаю, нас немного уже осталось.

Он чувствовал, как боль постепенно отступала:

- Что-нибудь связанное с историей Бюро?

- Не совсем так.

Бонд уставился на кончик своей сигареты.

- Полагаю, вам известно, что я написал большую часть главы об этой организации для труда о войне? Пятнадцать лет, как минуло с тех пор. Вряд ли я сейчас смогу что-либо добавить.

- Как, ничего даже об операции в Тироле, в местечке под названием Обераурах, что в миле восточнее Китцбухеля?

Да, одно из этих названий, которое никак было не выбросить из головы последние пятнадцать лет, опять вызвало у майора смех.

- Как же, было дельце. Такого вам видеть не приходилось... Все эти крутые ребята из гестапо и их девочки... Пьяные вдрызг. Но вся картотека в полном порядке. Без звука нам передали. Видно, надеялись на хорошее обхождение. Конечно, мы с ними поступили, как подобает, и направили всех в лагерь под Мюнхеном. Больше о них ничего не слышал. Полагаю, многие были повешены за военные преступления... А документы мы передали в штаб в Зальцбурге и направились в долину Миттерсялл на поиск другого тайника.

Майор Смит сделал добрый глоток из бокала и закурил сигарету:

- Вот вроде и все, что я могу сказать.

- Я знаю, в то время вы были вторым лицом в команде. А командиром полковник Кинг из армии Паттона, американец.

- Все верно. Прекрасный человек. Интересно, что он отращивал усы, а это не похоже на американцев... Неплохо разбирался в местных винах. В общем, вполне цивилизованная личность.

- В своем отчете об операции он отметил, что передал вам все документы для предварительного изучения, ведь вы были в подразделении экспертом по немецким вопросам. А затем вы вернули их уже с вашими комментариями... Джеймс Бонд помедлил. - Все до единого?

Майор Смит намек проигнорировал.

- Все правильно. В основном это были списки имен. Настоящий подарок для контрразведки. Ребятам из Зальцбурга он очень понравился. Появилось много новых ниточек. Я думаю, оригиналы и сейчас где-то лежат. На Нюрнбергском процессе их использовали. Да, бог ты мой, - предался он воспоминаниям, - то были самые прекрасные дни в моей жизни, когда мы с командой носились по всей стране. Вино, женщины, песни! Что и говорить...

Здесь майор Смит сказал чистую правду. До 1945 года ему приходилось попадать в весьма опасные переделки. Когда в 1941 году были сформированы отряды коммандос, он попросился добровольцем и был переведен из Королевской морской пехоты в штаб по проведению совместных операций под руководством Маунтбэттена. Благодаря прекрасному немецкому языку (его мать - уроженка Гейдельберга) он получил незавидную работу переводчика в отряде коммандос, проводившем операции за Ла-Маншем. Ему посчастливилось за два года боев не получить ни царапины и стать кавалером военного ордена Британской империи, которым в войну награждали далеко не всех. Когда секретной службой и отделом совместных операций было сформировано Бюро специальных операций, майор Смит получил временную подполковничью должность и приказ возглавить подразделение по поиску хранилищ архивных документов гестапо и абвера.

Управление стратегических служб настояло, чтобы эта работа проводилась совместно с американской армией, в результате чего вместо одного было создано шесть подразделений, приступивших после победы к поискам в Германии и Австрии. Каждое подразделение насчитывало двадцать человек и имело на вооружении легкий бронетранспортер, шесть джипов, автомобильную радиостанцию и три грузовика. Контроль за их действиями осуществлялся Объединенным штабом англо-американских экспедиционных войск, от него же поступала разведывательная информация, полученная по каналам армейской разведки, СИС и УСС. Майор Смит являлся человеком номер два в подразделении "А", действовавшем в Тироле - районе с множеством подходящих мест для оборудования тайников и удобных путей в Италию. Не случайно Тироль рассматривался в качестве убежища ? 1 теми, за кем охотились ребята из Бюро специальных операций. И, как только что майор Смит рассказал Бонду, их взяли тепленькими, без перестрелки, за исключением двух выстрелов, произведенных майором Смитом. Как бы между прочим Джеймс Бонд спросил:

- Имя Ганса Оберхаузера вам о чем-нибудь говорит?

Майор нахмурился, пытаясь вспомнить:

- Вроде бы нет.

Было восемьдесят градусов в тени по Фаренгейту, а у него по коже мороз прошел.

- Позвольте немного освежить вам память. В тот день, когда вам дали для просмотра документы, в отеле "Тифенбруннер", где вы были расквартированы, вы наводили справки о самом лучшем горном проводнике в Китцбухеле. Вам посоветовали обратиться к Оберхаузеру. На следующий день вы попросили у командира день отпуска и получили его, а рано утром приехали к дому Оберхаузера, арестовали его и увезли на джипе. Теперь припоминаете?

Как часто это же выражение "освежить память" майор Смит повторял сам, когда пытался загнать в ловушку какого-нибудь немецкого лгуна. "Осторожнее. Ты ведь многие годы ожидал этого". Он с сомнением покачал головой:

- Нет, не припоминаю.

- Хромой мужчина с седыми волосами. Немного говорил по-английски, до войны был лыжным инструктором.

Майор Смит открыто взглянул в холодные ясные голубые глаза:

- Простите, ничем не могу помочь вам.

Джеймс Бонд вытащил из внутреннего кармана синюю кожаную записную книжку, полистал ее и нашел, что нужно. Он взглянул на майора:

- В то время вы были вооружены табельным пистолетом марки "Вэбли-Скотт" сорок пятого калибра с серийным номером восемь-девять-шесть-семь-три-шестьдесят два.

- Точно, это был "Вэбли". Чертовски неудобное оружие. Надеюсь, теперь-то снабжают "Люгерами" или тяжелыми "Береттами"... Однако про номер сказать ничего не могу.

- Номер точный, - заявил Джеймс Бонд. - У меня есть дата выдачи вам пистолета в штабе и дата его возврата. И вы оба раза подписались в книге выдачи и приема оружия.

Майор Смит передернул плечами:

- Тогда, наверно, это мой пистолет. Однако, - он постарался вложить раздражение в голос, - к чему вы клоните, могу я вас спросить?

Джеймс Бонд взглянул на него, не скрывая любопытства, и вежливым, на этот раз добрым тоном, произнес:

- Вы сами прекрасно знаете, к чему я клоню, Смит, - он сделал паузу, подумал немного. - Вот что я вам предлагаю. Я сейчас выйду минут на десять в сад, и у вас

будет время подумать. Когда решите, дайте мне знать. - И серьезно добавил. - Если вы расскажете все сами, я сделаю так, чтобы вам было значительно легче.

Бонд направился к двери, ведущей в сад, перед выходом повернулся:

- Боюсь, вопрос заключается в том, чтобы поставить все точки над "и". Видите ли, вчера в Кингстоне я побеседовал с братьями Фу.

Он вышел на лужайку. Майор Смит почувствовал небольшое облегчение. "По крайней мере, теперь борьба намеков, надуманных алиби, оговорок закончилась. Если этот Бонд добрался до братьев Фу, даже до одного из них, можно быть уверенным, что они раскололись. Меньше всего им хотелось бы войти в конфликт с властями, да и в любом случае в слитках осталось лишь около шести дюймов".

Майор Смит резко поднялся на ноги, подошел к набитому бутылками стенному бару и налил еще одну порцию бренди с имбирным элем, почти половина на половину. С другой стороны, он мог бы их прокутить, время пока еще есть. Будущее вряд ли сделает ему много таких подарков. Он вновь уселся в кресло и закурил двадцатую сигарету за этот день. Часы показывали одиннадцать тридцать. Если избавиться от посетителя хотя бы через час, у него останется уйма времени для общения с "людьми" у рифа. Он сидел, пил и продумывал свои действия. От него зависело, длинная получится история или короткая - WKHO долго распространяться о погоде, о растительности в горах, а можно все изложить кратко. Да, его рассказ будет коротким.

Тогда, в большом двуспальном номере отеля "Тифенбруннер", разложив на свободной кровати документы и кожаные папки, он ничего не выискивал специально, просто отбирал образцы и обращал внимание на те материалы, которые были помечены красным шрифтом. Kommandosache - Kohst vertraulich.

Их было немного. В основном они представляли собой конфиденциальные сообщения о немецкой руководящей верхушке, расшифрованные перехваты переговоров союзников, информацию о местонахождении секретных складов. Поскольку сбор таких материалов являлся главной задачей подразделения "А", майор Смит просматривал их с особым интересом. Это были данные о продовольствии, взрывчатке, оружии, шпионские сообщения, файлы на сотрудников гестапо. Замечательный улов! А в нижней части пакета находился единственный опечатанный красным сургучом конверт с пометкой: "Вскрыть только в самых чрезвычайных обстоятельствах". В конверте всего один лист с коротким неподписанным текстом, выполненным красными чернилами. Под заголовком "ВАЛЮТА" написано по-немецки: "Кайзерова гора. Франзисканер Хальт. 100 м восточнее - каменная пирамида. Ящик. 2 слитка. 24 кг". Под текстом - перечень размеров в сантиметрах. Майор Смит развел руки в стороны, как если бы показывал в разговоре с друзьями размер пойманной им рыбы. Судя по размерам, слитки, должно быть, большие - примерно в ширину его плеч, да и в торце два на четыре дюйма. Одна английская восемнадцатикратная золотая монета идет в наши дни по два-три фунта стерлингов! Да, ему чертовски повезло! Сорок, а то и пятьдесят тысяч фунтов! Не исключено, что даже сто тысяч! Он не переставал подсчитывать и одновременно быстро и хладнокровно, опасаясь, как бы кто не зашел в номер, сжег документ и конверт, растер пепел в порошок и выбросил в туалет. Затем разложил трофейную австрийскую крупномасштабную карту военно- геодезического управления и сразу отыскал на ней отметку с надписью "Франзисканер Хальт". Судя по топографическому знаку, это была нежилая избушка для альпинистов, расположенная на седловине, как раз под самым высоким восточным пиком Кайзеровых гор, которые своими очертаниями вызывали у посетителей Китцбухеля благоговейный страх. А каменная пирамида находится приблизительно здесь - он отметил место на карте ногтем. Боже, до такого богатства всего лишь десять миль езды и не более пяти часов восхождения!

Все в начале происходило именно так, как описал Бонд. В четыре утра майор Смит подъехал к дому Оберхаузера, арестовал его, заявив протестующей и плачущей семье, что отвезет Оберхаузера для допроса в лагерь под Мюнхеном. Если за ним не числятся никаких преступлений, в течение недели он вернется домой. Если же семья поднимет шум, то это только ухудшит положение арестованного. Смит отказался назвать свое имя и догадался заранее закамouflировать номер своего джипа. Через сутки подразделение "А" передислоцируется, а к тому времени, когда военные власти доберутся до Китцбухеля, инцидент будет похоронен в болоте неразберихи, всегда сопутствующей приходу войск.

Оберхаузер, оправившись от пережитого страха, оказался вполне приятным мужчиной, а когда Смит со знанием дела поговорил с ним об альпинизме и катании на лыжах - его довоенном хобби - он и совсем успокоился. На это и рассчитывал Смит. Дорога на Куфштейн проходила у основания Кайзеровой горы, и Смит, медленно ведя машину, восхищался вслух красотой горных вершин, которые освещались алеющей утренней зарей. Подъехав к подножию "золотой" горы, как ее успел окрестить Смит, он затормозил, съехал с дороги в густую траву, и, повернувшись к пассажиру, доброжелательно сказал:

- Оберхаузер, как человек, вы мне по душе. У нас общие интересы, а из вашего разговора и моих собственных суждений о вас я пришел к убеждению, что с нацистами вы не сотрудничали. Вот что я предлагаю. Давайте проведем день здесь, совершив восхождение на Кайзерову гору, а потом я отвезу вас назад в Китцбухель и доложу командиру, что в Мюнхене с вами разобрались и претензий не имеют.

Он усмехнулся:

- Ну, как насчет такого варианта?

Мужчина чуть не расплакался от благодарности:

- Но нельзя ли получить какой-нибудь документ, подтверждающий благонадежность?

- Вполне. Для этого будет достаточно моей подписи.

Согласие было достигнуто, джип надежно укрыт от посторонних глаз, и они размеренным шагом двинулись по предгорью, вдыхая запах сосновой смолы.

Для восхождения Смит был одет неплохо - в рубашке защитного цвета, шортах, прекрасных американских десантных ботинках с толстой подошвой. Его единственной лишней ношей был пистолет системы "Вэбли-Скотт", и Оберхаузер, понимая, что он все-таки оставался пленником, тактично не предложил спрятать оружие за каким-нибудь приметным камнем. Сам он был облачен в свой лучший костюм и хорошие ботинки, но это, видимо, его несколько не смущало. Заверив майора Смита, что веревки и крюки им не понадобятся, он сообщил, что прямо над ними расположена небольшая избушка под названием "Франзисканер Хальт", где они смогут передохнуть.

- Неужели? - спросил Смит.

- Да, а чуть ниже ее находится ледничок, очень красивый, однако мы его обогнем, в нем много глубоких трещин.

- Вот как... - в раздумье произнес майор Смит, рассматривая уже поблескивающий от пота затылок Оберхаузера. В конце концов, тот был всего-навсего проклятым фрицем, в любом случае из той же породы. Одним больше, одним меньше - какое это имеет значение? Все будет проще простого. Единственное, что тревожило Смита, это каким образом он спустит к подножию чертов груз. Наконец решил, что понесет слитки за спиной, причем попытается большую часть пути волочить их в подсымке для боеприпасов или придумает еще что-нибудь. Путь вверх был длинным и утомительным, а когда они минули полосу леса, стало припекать солнце. Теперь у них под ногами были сплошные валуны и камни, булыжники с грохотом устремлялись вниз. Склон становился все круче и круче по

мере их приближения к самому верхнему утесу, угрожающе нависшему над ними серой громадой на фоне голубого неба. Обнаженные по пояс, оба обливались потом, который по спине и ногам струился в ботинки, но, несмотря на хромоту Оберхаузера, они выдерживали хороший темп. Когда остановились попить и ополоснуться у бурлящего горного ручья, Оберхаузер похвалил майора Смита за выносливость, на что тот, погруженный в свои мысли, резковато и сознательно преувеличивая, заявил, что все английские солдаты такие же выносливые, как он.

Двинулись дальше. Подъем на скалу оказался не очень сложным. Майор так и предполагал, иначе избушку альпинистов не построили бы именно в этом месте. В скале были выбиты углубления для ног, кое-где в трещинах попадались железные костыли. Однако на самых сложных участках он не смог бы самостоятельно выбрать правильный путь и был доволен, что захватил с собой проводника.

Один раз рука Оберхаузера, нащупывая удобное место, расшатала большой кусок скалы и обрушила его вниз. Майор Смит внезапно подумал о шуме.

- Здесь много бывает народу? - спросил он, наблюдая за падающей глыбой.

- Ни единой души почти до самого Куфштейна, - ответил Оберхаузер, указывая в сторону гряды высоких гор. - Пастбища отсутствуют, мало воды. Сюда только альпинисты заходят, а с началом войны... - Он не стал заканчивать фразу.

Когда они огибали отливающий голубизной ледник, майор Смит внимательно изучал ширину и глубину трещин. "Да, они вполне подойдут".

Непосредственно над ними, всего в каких-то ста футах, под защитой утеса стояла потрепанная погодой избушка. Смит измерил на глаз угол склона. "Да, почти отвесная стена. Сейчас или позже? Нет, наверное, позже". Последний участок маршрута не вполне просматривался.

Ровно через пять часов после начала восхождения они добрались до избушки, и Смит, заявив, что хотел бы облегчиться, направился по карнизу скалы в восточном направлении. Он не обращал никакого внимания на раскинувшиеся перед ним на пятьдесят миль вокруг и тающие в дымке прекрасные панорамы Австрии и Баварии. Он тщательно отсчитывал свои шаги и через сто двадцать уткнулся в пирамиду из камней, напоминающую надгробный памятник в честь какого-нибудь погибшего альпиниста. Но Смит знал, что это не так, и горел желанием разбросать камни. Он вытащил пистолет, Загнал в ствол патрон и направился назад. 1

Здесь, на высоте в десять тысяч футов, уже пробирал холод, и Оберхаузер решил развести в избушке огонь. При виде его Смит спрятал волнение и непринужденно сказал:

- Оберхаузер, выходите наружу, посмотрите, какие бесподобные виды открываются отсюда.

- Конечно, майор, - Оберхаузер вышел вслед за Смитом из избушки, пошарил в набедренном кармане, вытащил небольшой сверток, развернул бумагу и достал сморщенную колбаску. Протягивая ее майору, смущенно улыбнулся:

- Знаете, мы здесь называем ее "солдат". Она из копченого мяса, очень твердая, но вкусная. В фильмах о диком Западе такие тоже едят. Как ее там называют?

- Пеммикан, - ответил майор. Затем - позднее он вспоминал об этом с отвращением к самому себе - предложил: - оставьте ее в домике, будем есть потом. Подойдите ближе. Видно ли отсюда Инсбрук? Расскажите, что там вдали.

Оберхаузер заскочил в избушку и быстро вышел. Пока он объяснял, где что находится, где какая видна церковь или гора, майор буквально висел у него за спиной. Они приблизились к краю скалы, под которой раскинулся ледник, и Смит, вытащив револьвер, с расстояния в два фута выпустил в череп Ганса Оберхаузера две пули. Конечно, без промаха!

Пули сбили проводника с ног и сбросили вниз. Майор Смит вытянул шею и увидел, как тело, ударившись дважды о скалу, распростерлось на леднике. Но попало

не в расщелину, а в сугроб слежавшегося снега. "Черт побери!" воскликнул майор Смит.

Эхо двух выстрелов, отражаясь от гор, постепенно замерло вдали. Смит последний раз взглянул на темное пятно на фоне белого снега и побежал вдоль карниза скалы. Надо сделать главное! Он стал разбрасывать направо и налево с вершины пирамиды тяжелые камни, работая, как будто его подгоняли черти.

Руки уже кровоточили, но он едва это замечал. Бот осталось всего два фута - и по-прежнему ничего! Ничего! Он склонился над последним слоем камней и яростно принялся за них. Наконец-то! Да! Крышка металлического ящика. Еще несколько камней в сторону, и он освобожден - добротный старый ящик вермахта из-под боеприпасов, с еще нестершимися следами надписей. Майор Смит издал радостный вопль, уселся на камень и перед его глазами поплыли видения из будущей жизни - Бентли, Монте-Карло, роскошные квартиры, шампанское, икра и не вписывающийся в этот ряд новый набор клюшек для игры в гольф фирмы "Генри Коттон" (он очень любил гольф).

Уставившись на серый ящик, опьяненный мечтами, майор Смит просидел так пятнадцать минут, затем бросил взгляд на часы и вскочил на ноги. Пора уничтожить улики. На обоих торцах ящика висели ручки. Майор знал, что ящик будет тяжелым, его возможный вес он уже сравнивал с пойманным до войны в Шотландии сорокафунтовым лососем, но ящик весил в два раза больше. Все же ему удалось вытащить его из камней и поставить рядом на альпийскую травку. Обмотав носовым платком одну из ручек ящика, Смит кое-как доволоч его до избушки, уселся на каменную ступеньку у входа и, не отводя глаз от ящика, разорвал сильными зубами копченую колбаску Оберхаузера. Ему не давала покоя мысль, каким образом спустить вниз и спрятать в новом укромном месте свое богатство, которое стоит не менее пятидесяти тысяч фунтов стерлингов.

Колбаска оказалась прекрасной пищей для скалолазов - твердой, с жирком, хорошо заправленной чесноком. Ее крошки застряли в зубах, и майор, выковыряв их обломком спички, сплюнул их на землю. Затем заработало его профессиональное мышление, и он аккуратно подобрал валявшиеся среди камней и травы кусочки мяса. С настоящего времени он считался преступником, все равно как если бы ограбил банк и застрелил охранника. Он - полицейский, превратившийся в грабителя. Он должен навсегда крепко запомнить это! Иначе смерть, вместо Монте-Карло - смерть. Теперь придется прилагать бесконечные усилия, чтобы все образовалось как надо. А потом - потом он навсегда будет и богатым, и счастливым.

Устранив все улики его пребывания в избушке, Смит подтащил ящик из-под боеприпасов к краю пропасти и, помолясь, столкнул его, стараясь не попасть на ледник. Медленно перевернувшись в воздухе, серый ящик ударился о первый выступ скалы, прогромыхал еще около ста футов, с лязгом приземлился где-то на каменистой осыпи и наконец остановился. Майор не увидел, раскрылся ли он, его устроил бы этот вариант. Он уже пытался вскрыть ящик, но безуспешно. Так пусть же за него это сделают горы!

Оглядевшись напоследок вокруг, он начал осторожно спускаться, тщательно проверяя каждый вбитый костыль, испытывая на прочность каждый выступ для рук и ног, перед тем как перенести на них весь вес своего тела. При спуске его жизнь стала значительно дороже, чем при подъеме. Добравшись до ледника, он устало поплелся по тающему снегу к темному пятну на ледяном поле. С отпечатками ног на снегу он ничего поделать не мог. Потребуется несколько дней, чтобы солнце растопило следы. Подойдя к убитому, он не испытал никаких чувств, так как вдоволь насмотрелся за время войны и на трупы, и на кровь, и на перебитые конечности. Подтащил тело Оберхаузера к ближайшей глубокой трещине и сбросил его туда. Затем походил вокруг и обвалил нависающий над трещиной снег на труп. Удовлетворенный

проделанной работой, по уже проторенному пути, ступая ногами точно след в след, вернулся к краю ледника и направился вниз по склону к месту падения ящика.

Так и есть, гора открыла для него крышку ящика. Почти машинально он сорвал сверху упаковочную бумагу и на солнце вдруг заблестели два больших металлических слитка. На каждом из них стояло клеймо монетного двора Рейхсбанка - свастика в круге под орлом и дата - 1943 год. Майор Смит удовлетворенно хмыкнул, положил на место бумагу и приколотил камнем искривившуюся от удара крышку. После этого обмотал вокруг одной из ручек ремешок от кобуры пистолета и потащил неудобный груз вниз.

Было уже около часа дня, солнце нещадно палило, поджаривая его в собственном поту, начинали гореть покрасневшие плечи, грудь и лицо. Ничего, пройдет. Он остановился у ледяного потока, намочил в воде носовой платок, завязал его на голове, от души напился воды и двинулся дальше, проклиная на чем свет стоит бывший по ногам ящик. Однако все неудобства, солнечные ожоги, синяки были ерундой по сравнению с тем, что предстояло преодолеть, когда он спустится в долину и уклона больше не будет. Пока что на его стороне сила притяжения. Но ведь придется, по крайней мере, целую милю нести на себе этот проклятый груз. При мысли о том, во что превратится его обожженная спина от восьмидесятифунтовой ноши, майора Смита передернуло. "Конечно, - подумал он почти с легким сердцем, - "Il faut souffrir pour etre millionaire!" (1)

Добравшись до подножия, он опустился под елью на мягкий мох, расстелил рубашку, переложил на нее из ящика оба бруска и крепко-накрепко завязал таким образом, чтобы рукава свободно спускались с плеч. Потом вырыл неглубокую ямку, положил туда пустой и ненужный теперь ящик и забросал его землей. Прочно связав концы рукавов, Смит стал на колени и просунул в образовавшуюся петлю голову, придерживая руками узел, чтобы не давил на шею. Наклонившись далеко вперед, чтобы не опрокинуться на спину, он поднялся на ноги и, сгибаясь под тяжестью груза в половину собственного веса и изнывая от обжигающего огня в плечах, жадно хватая ртом воздух, медленно побрел по тропинке, петляющей между деревьями.

До сих пор он не представляет, как смог добраться до джипа. Узлы под тяжестью слитков постоянно развязывались и они сваливались ему на икры ног, и каждый раз он садился на землю, зажав голову в ладонях, и опять начинал все сначала. Сконцентрировавшись на счете своих шагов и останавливаясь передохнуть после каждой сотни, он наконец приплелся к джипу и без сил упал рядом с ним. Теперь оставалось закопать в лесу у большой приметной груды камней свой драгоценный клад, как можно лучше привести себя в порядок и вернуться по круглому пути, минуя дом Оберхаузера, к месту расквартирования. Проделав все это, он вылакал бутылку дешевого шнапса, перекусил и забылся в беспокойном сне. А на следующий день подразделение "А" Бюро специальных операций выдвинулось на место новой дислокации в долине Миттерсилл для выполнения очередного задания. Спустя шесть месяцев майор Смит возвратился в Лондон, и на этом его война закончилась.

Но не его проблемы. Золото - это тот товар, который трудно перевозить контрабандой, во всяком случае в количестве, доступном майору Смицу, а ему нужно было переправить оба слитка через Ла-Манш и спрятать в новом тайнике. Поэтому он отложил срок своей демобилизации и, воспользовавшись возможностями; которые ему открывала временная должность штабного офицера и связь с военной разведкой, через короткое время опять оказался в Германии в качестве британского представителя при Объединенном центре допроса военнопленных в Мюнхене.

Здесь в течение шести месяцев он выполнял разнообразные задания и однажды, воспользовавшись увольнением, выкопал золото, загрузил его в потрепанный чемодан и привез к себе в казарму. После этого подал в отставку и вылетел в Англию, увозя в объемистом кейсе оба слитка. Сотни ярдов пешком и при

посадке в самолет, и при высадке из него, обращение повсюду с кейсом так, как если бы в нем находились только документы, потребовали от Смита железной воли и двух таблеток бензедрина, зато наконец-то все богатство в целости и сохранности было размещено на первом этаже тетушкиной квартиры в Кенсингтоне. Получив свободу, он мог приступить к выполнению своих планов.

Майор Смит уволился из Королевской морской пехоты, демобилизовался и женился на одной из тех девиц, с кем уже успел переспать во время службы в штабе Бюро, на очаровательной блондинке из вспомогательной службы ВМС, урожденной Мэри Парнелл, девушке из вполне приличной семьи.

Майор Смит добился для себя и супруги пропусков на одно из первых так называемых "банановых" судов, отплывавших из Эйвонмаута в Кингстон на Ямайке. Оба они пришли к единому мнению о том, что Ямайка для них будет чем-то вроде рая - с ярким солнцем, прекрасной едой, дешевой выпивкой, а также надежным убежищем от уныния и различных ограничений лейбористского правительства послевоенной Англии. Перед отплытием майор показал Мэри золотые слитки, с которых он успел сбить зубилом клеймо Рейхсбанка.

- Я поступил мудро, дорогая, - заявил он. - В наше время я не верю в бумажные фунты, так что вложил все свои ценные бумаги в золото. Все это тянет на пятьдесят тысяч фунтов и хватит нам на двадцать пять лет беззаботной жизни, будем только время от времени отпиливать по кусочку и продавать.

Откуда Мэри Парнелл было знать о том, что такой перевод капитала по валютному законодательству невозможен? Она наклонилась и любовно провела руками по мерцающим слиткам золота, затем выпрямилась, обвила шею майора Смита и поцеловала его.

- Ты прекрасный, замечательный человек, - проворковала она со слезами на глазах. - Ужасно умный, и мужественный, и храбрый, а теперь я вижу, что ты к тому же и богатый. Я самая счастливая девушка в мире!

- Конечно, в любом случае мы с тобой богачи. Только обещай мне, что об этом не скажешь ни одной живой душе, а то все воры на Ямайке сбегутся к нам. Обещаешь?

- Клянусь сердцем!

Расположенный на холмах Кингстона "Клуб Принца" и в самом деле был райским местечком. Довольно приятные члены клуба, вышколенные слуги, блюда на любой вкус, дешевая выпивка и все это на фоне восхитительных тропиков, в такие условия им раньше попадать не приходилось. Супружеская пара Смитов быстро завоевала популярность. Благодаря военным заслугам майора им был открыт доступ в общество "Дома правительства", после чего жизнь превратилась в бесконечную череду приемов и встреч, игру в теннис для Мэри и в гольф (клюшками фирмы "Генри Коттон") для майора Смита. По вечерам она играла в бридж, его же ждал покер. Да, для них это был рай, в то время как у них дома на родине люди питались тушенкой, торговались на черном рынке, проклинали правительство и страдали зимой от самой мерзкой погоды за последние тридцать лет.

Все первоначальные расходы Смиты покрывали за счет совместных денежных накоплений за время войны, и майору Смиту понадобился целый год для изучения обстановки, прежде чем он решился вступить в дело с братьями Фу, специалистами по экспорту и импорту. Настоящие богачи братья Фу являлись уважаемыми руководителями процветающей китайской общины на Ямайке. Подозревали, что их некоторые торговые операции были не совсем легальны, вполне в духе китайской традиции. Наведенные Смитом справки подтвердили, что братья заслуживают полного доверия.

К тому времени было подписано Бреттон-Вудское соглашение, фиксирующее и контролирующее мировую цену на золото, и многим уже стало известно, что Танжеру

и Макао, двум открытым портам, в силу разных причин удалось избежать сетей Бреттон-Вуда. Там можно было получить, по крайней мере, сто долларов за унцию золота девяносто девятой пробы по сравнению с фиксированной ценой в 35 долларов за унцию в других местах. А тут и братья Фу начали торговать с возрождающимся Гонконгом, который стал портом, и через который осуществлялась контрабанда золота в соседний Макао. Была создана система, по выражению Смита, "то, что надо". С братьями Фу встреча прошла в приятной атмосфере, никаких вопросов не возникало до тех пор, пока не настало время осмотреть слитки; отсутствие клейма вызвало вежливое предложение объяснить происхождение золота.

- Видите ли, майор, - сказал старший и более въедливый из братьев, восседая за большим столом из красного дерева, - на золотом рынке товар с клеймом монетных дворов всех уважаемых национальных банков принимается без проблем. Такая маркировка гарантирует надежность золотой пробы. Но существуют и другие банки и дилеры, чьи методы определения золотого содержания, - его благожелательная улыбка засияла еще ярче, - возможно, скажем так, не совсем точны.

- Вы хотите напомнить об известном мошенничестве с золотом, когда свинцовый брусок покрывался золотой пленкой? - спросил тревожно майор Смит.

- Ну что вы, нет, майор, - ободряюще возразили оба брата, - об этом не идет и речи. Но, - не исчезали с их лиц улыбки, - если вы не можете припомнить происхождение этих слитков, вы, видимо, не будете протестовать, если мы проведем небольшое исследование. Существует ряд методов определения золотого содержания слитков, и мы с братом знакомы с ними. Если бы вы оставили золото у нас и вернулись после ланча?..

Альтернативы не было. Теперь майору Смицу приходилось безоговорочно довериться братьям. Они могли обосновать любую цифру, и ему просто пришлось бы согласиться с ней. Он зашел в бар и пропустил один-два бокала, попробовал съесть бутерброд, но еда не лезла в горло. Когда Смит вернулся в прохладу офиса братьев Фу, все было по-прежнему - и улыбки на лицах братьев, и два золотых слитка на том же месте, и его кейс, однако теперь перед старшим братом лежала золотая ручка "Паркер" и лист бумаги.

- Мы провели исследование ваших замечательных слитков, майор...

"Замечательных! Слава богу!" - пронеслось в мыслях майора Смита.

- ...и я уверен, вам будет интересно узнать их возможное происхождение.

- Да, разумеется, - с энтузиазмом в голосе произнес Смит.

- Это немецкие слитки, майор. Возможно, из Рейхсбанка времен войны. Такой вывод мы сделали из того факта, что в золоте содержится десять процентов свинца. При гитлеровском режиме у Рейхсбанка существовал такой дурацкий обычай ухудшать примесями свое золото. Этот факт быстро стал достоянием дилеров и цена на немецкие золотые слитки, например в Швейцарии, где оседали многие из них, была соответственно понижена. Так что результатом немецкой глупости явилось то, что национальный банк Германии потерял репутацию честного партнера, которую он зарабатывал на протяжении веков. Улыбка на восточном лице оставалась неизменной. - Очень плохой бизнес, майор. Очень глупый.

Майор Смит восхитился всезнанием этих двух дельцов, живущих в стороне от мировых коммерческих каналов, но вместе с тем внутренне насторожился: "Ну и что дальше?"

- Все это очень интересно, господин Фу, но для меня эти новости неприятные. Что, эти слитки не лучшего качества или как вы там именуете такой случай в мире рынка золота?

Старший Фу сделал правой рукой небольшой останавливающий жест:

- Это не важно, майор. Вернее, это не так важно. Мы продадим ваше золото по его реальной цене, скажем, по цене восемьдесят девятой пробы. Покупатель может его переплавить, а может оставить и прежнюю пробу. Это уже нас не касается. Наше дело - продать настоящий товар.

- Но по более низкой цене?

- Верно. Однако, полагаю, у меня имеется и приятная новость для вас. Как вы оцениваете стоимость этих двух слитков?

- По моей прикидке, около пятидесяти тысяч фунтов.

Старший брат фыркнул:

- Я считаю, если мы будем продавать мудро и постепенно, вы получите сто тысяч фунтов, майор, за вычетом наших комиссионных, которые включают в себя стоимость перевозки и прочие непредвиденные расходы.

- И сколько они составят?

- Мы рассчитываем на десять процентов, если это вас устроит.

Майор Смит всегда считал, что дилеры на золотой бирже получают лишь какую-то долю от одного процента. Ладно, какого черта? Он уже успел сделать целых сорок тысяч со времени ланча. Он сказал, что согласен, встал и протянул через стол руку.

С тех пор ежеквартально он заходил в офис братьев Фу с пустым кейсом, перед ним на широком столе лежали пачки новых ямайских фунтов и два золотых слитка, уменьшавшиеся дюйм за дюймом, а также документ, в котором отражались проданное количество золота и полученная за него цена в Макао. Все происходило очень просто, по-дружески, в деловой атмосфере, и майор Смит не задумывался над тем, берут ли с него в какой-либо форме сверх оговоренных десяти процентов. В любом случае, он не особенно заботился об этом. Для него вполне хватало четырех тысяч в год и единственной заботой было опасение, что налоговые инспекторы могут задаться вопросом, на какие средства он живет. Когда он упомянул братьям о такой возможности, ему посоветовали не волноваться, а при следующих визитах на столе вместо обычной тысячи лежало всего лишь девятьсот фунтов. Вопросов по этому поводу ни он, ни ему не задавали. Вычитаемая сумма проводилась по документам в нужном месте.

И так целых пятнадцать счастливых лет, солнечных, насыщенных праздным времяпрепровождением.

Смиты располнели, с майором Смитом случился первый из двух приступов и он получил предписание врача сократить потребление алкоголя и сигарет, проще относиться к жизни и избегать жиров и жареной пищи. Мэри Смит пыталась быть с ним твердей, но он стал скрывать от нее свои выпивки, изворачиваться, лгать, и она смирилась, прекратив попытки осуществлять контроль за его излишествами. Однако она уже успела стать для него символом няньки и он стал всячески избегать ее. Она бранилась, заявляла, что он больше ее не любит, а когда непрекращающиеся мелкие ссоры по пустякам вывели ее простую натуру из себя, пристрастилась к снотворному. И однажды вечером после его очередного пьяного дебоша демонстративно превысила дозу снотворного - чтобы просто попугать майора, но переборщила - и погибла. Самоубийство удалось замять, но оно отнюдь не прибавило майору Смицу веса в обществе, и он перебрался на северное побережье, которое хотя и находилось всего в 30 милях от столицы, даже для небольшого общества Ямайки представлялось совершенно другим миром. Там он обустроился на вилле "Маленькие волны", перенес второй сердечный приступ, но по-прежнему сводил себя в могилу выпивками. Именно в это время на сцене и появился человек по фамилии Бонд с другим смертным приговором в кармане.

Майор Смит посмотрел на часы - было всего несколько минут после полудня. Он поднялся, еще раз налил бренди с имбирным элем и вышел на лужайку. Джеймс

Бонд сидел под миндальным деревом и смотрел на море. Он даже не взглянул, когда Смит уселся на другой алюминиевый садовый стульчик и поставил рядом на траву бокал.

Когда майор Смит закончил свой рассказ, Бонд без всяких эмоций произнес:

- Да, примерно так я все и предполагал.

- Вы желаете, чтобы я все это изложил в письменном виде и подписался?

- Если вы хотите. Но это не для меня - для военного трибунала. Делом займется руководство частей, где вы служили. Юридические аспекты меня не интересуют. Все, о чем вы мне рассказали, я изложу в отчете для моей службы, а она передаст его Королевской морской пехоте. Потом, полагаю, материалы через Скотланд-Ярд попадут к Государственному прокурору.

- Могу я задать один вопрос?

- Разумеется.

- Каким образом все обнаружилось?

- Ледник был небольшим. В этом году весной тело Оберхаузера после таяния снегов обнаружили альпинисты. Сохранились полностью его документы и все, что было при нем. Его опознала семья. Дальше - дело техники. Изъятые из трупа пули сказали об остальном.

- Но вы-то каким образом оказались причастным к этому делу?

- Ответственность за работу Бюро специальных операций была возложена на мою, э... службу. К нам пришли документы, и я просмотрел всю папку. Мои руки в то время были свободны, и я попросил разрешения найти преступника.

- Но почему?

Джеймс Бонд посмотрел майору Смиту прямо в глаза.

- Дело в том, что Оберхаузер был моим другом. Перед войной, когда мне не было еще и двадцати, он учил меня кататься на лыжах. Это был прекрасный человек. Он заменил мне отца, когда я особенно нуждался в этом.

- Да, я понимаю, - майор Смит отвел глаза в сторону. - Я очень сожалею.

Джеймс Бонд поднялся на ноги.

- Ну, что же, пора возвращаться в Кингстон, - он сделал останавливающий жест рукой. - Не беспокойтесь, дорогу к машине я найду один.

Он посмотрел на сидящего перед ним пожилого человека и резко, даже грубовато, чтобы, как показалось Смит, скрыть некоторое затруднение, произнес:

- Пройдет около недели, прежде чем они пришлют кого-нибудь за вами.

И пошел по лужайке, через дом, и вскоре майор Смит услышал звук стартера и шуршание шин по запущенной дороге от виллы.

Майор Смит продолжал выискивать у рифа свою добычу и пытался понять точный смысл последних слов Бонда. Его губы под маской скривились в невеселой улыбке. Конечно же, все просто. Старый, опробованный прием, когда провинившегося офицера оставляют наедине с револьвером. Если бы Бонд захотел, он позвонил бы в Дом правительства и попросил направить сюда офицера из местного полка для произведения ареста майора Смита. Что ж, он поступил порядочно. А может быть, нет? При самоубийстве все будет выглядеть пристойнее, да вдобавок еще отпадет необходимость большой бумажной волокиты и будут сэкономлены деньги налогоплательщиков. Должен ли он пойти Бонду навстречу и поступить, так сказать, прилично? Соединиться навеки с Мэри, куда бы не направлялись самоубийцы - в рай или в ад? Или же пройти весь этот круг - возмущение, скучные формальности, крупные заголовки в газетах, монотонность существования при отбывании пожизненного заключения, которое неизбежно когда-нибудь закончится. Вместе с третьим приступом. Но есть и третий путь - защищаться. Сослаться на военное время, борьбу с пытавшимся бежать пленным Оберхаузером, знавшим о тайнике с золотом, естественное побуждение скрыться с

золотом Смита - бедного офицера из командос, внезапно обнаружившего богатство.

Стоит ли ему отдавать себя в руки правосудия? Непроизвольно майор Смит представил, что вот он находится на скамье подсудимых, офицер с великолепной выправкой, подтянутый, в прекрасно сшитой парадной форме синего цвета с красными петлицами, со всеми наградами на груди - такова традиционная форма одежды в военном трибунале. Нужно будет попросить Луну, чтобы проверила, не завелась ли моль в ящике с одеждой, находившемся в нежилой комнате. А может, там появилась и сырость? Если погода будет хорошей, проветрить все на солнце, почистить щеткой. С помощью корсета он сможет еще втиснуть свою сорокадюймовую талию в тридцатичетырехдюймовые брюки, сшитые двадцать, а то и тридцать лет назад знаменитой фирмой "Гивз". В зале суда, который состоится, вероятно, в Чатеме, будет находиться защищающий его адвокат, столь же стойкий и непоколебимый, как и полковник. Кроме того, есть еще и возможность подать апелляцию в вышестоящий суд. Дело может стать знаменитым. Почему бы и нет?.. Он мог бы продать газетам право на публикацию его воспоминаний, написать книгу...

Майор Смит почувствовал, как в нем поднимается возбуждение. "Осторожно, старина! Осторожно!" Он поставил ноги на грунт и передохнул среди танцующих волн северо-восточного пассата, который нес приятную прохладу на северное побережье до наступления самых жарких месяцев - августа, сентября и октября. Скоро он выпьет пару порций джина, затем небольшой ланч и сиеста, а затем можно все продумать более тщательно. Не забыть еще, что он приглашен на коктейль к Арукделям и на ужин в клубе "Парк Шоу Бич". После игры в бридж домой и принять снотворное. Ободренный рутинной перспективой дня, Смит отогнал далеко на задворки памяти черную тень Бонда. "Эй, скорпена, где ты? Осьминожка ожидает свой обед!" Майор Смит опустил голову в воду и медленно поплыл между кораллами к окаймленному белой пеной рифу, продолжая выслеживать отдохнувшими глазами добычу.

Вдруг он заметил два направленных на него антеннообразных отростка каракатицы, вернее ее вест-индской родственницы лангусти, высунувшейся из глубокой расщелины под коралловым наростом. Судя по толщине отростков, это крупный экземпляр, фунта на три-четыре. В другое время Смит поставил бы ноги рядом со щелью и взмутил воду, чтобы лангуста высунулась подальше - ведь она очень любопытна. Затем он пронзил бы ее голову трезубцем и отнес бы домой на обед. Но сегодня единственной добычей для него могла Быть рыба-скорпена, и он сконцентрировал все силы на поисках косматого прерывистого силуэта. Десятью минутами позже он обратил внимание на клочок морских водорослей на белом песке, но что-то ему подсказывало, что это не просто водоросли. Осторожно поставив ноги на дно, он увидел, как на клочке вдруг возникли ядовитые шипы - это она, скорпена, причем значительных размеров, примерно три четверти фунта. Смит приготовил гарпун и стал медленно продвигаться вперед. Теперь красные злые глаза рыбы были широко открыты и наблюдали за ним. Он должен будет сделать резкий короткий удар, причем из положения, когда трезубец будет практически в вертикальном положении, в противном случае, он знал из опыта, даже острые как бритва зубцы гарпуна почти наверняка соскользнут с роговой ткани головы чудища. Он приподнял ноги с грунта и очень медленно поплыл вперед, пользуясь свободной рукой как плавником. Время! Он произвел резкий выпад гарпуном вперед и вниз. Но рыба успела отреагировать на едва заметные колебания идущих впереди трезубца токов воды, подняв со дна фонтан песка, взметнулась вверх и словно птица пролетела под самым животом Смита. Майор Смит покрутился в воде, осмотрелся. Так и есть, скорпена сделала именно то, что делает часто - укрылась в водорослях у ближайшего камня, слившись с окраской дна. Смит проплыл еще несколько футов и опять нанес удар,

прицелившись получше. На этот раз он не промахнулся, и она извивалась и трепыхалась на конце гарпуна.

От возбуждения и усталости, пусть и небольшой, майор Смит тяжело дышал, чувствуя приближение старой боли в области груди. Нащупав ногами дно, он нанизал рыбу на гарпун до конца и вытащил ее, все еще трепетавшую, из воды. Медленными шагами проделал он весь обратный путь по лагуне, вышел из воды и добрел по песчаному пляжу до деревянной скамейки, установленной под виноградной лозой. Здесь он бросил гарпун с добычей рядом с собой на песок и уселся отдохнуть. Через каких-то пять минут майор Смит почувствовал странное онемение в районе солнечного сплетения. Взглянув вниз, он оцепенел от ужаса и недоумения. На фоне загара на коже выделялось белое пятно размером с мячик для игры в крикет, а в центре пятна - один за другим три пореза, из которых просочились капельки крови. Машинально стерев эту кровь, майор обнаружил маленькие дырочки размером с булавочный укол. Он припомнил, как взметнулась скорпена и громко, с благоговейным страхом, но без упрека прошептал:

- Ты все же достала меня, тварь! Боже мой, ты меня достала!

Неподвижно сидя на скамейке и рассматривая ранку, Смит пытался припомнить, что говорилось о ядовитых уколах скорпены в американском издании книги "Опасные морские животные", которую он позаимствовал в институте, да так и не удосужился вернуть. Он тихонько потрогал, а затем и нажал на белое пятно вокруг уколов. Так и есть, кожа полностью онемела. И под нею уже начала распространяться пульсирующими толчками боль. Скоро эта боль усилится, пройдет по всему телу и станет настолько невыносимой, что он будет со стонами кататься по леску, чтобы избавиться от нее. Его начнет рвать, изо рта пойдет пена, наступит бредовое состояние с конвульсиями, после чего полная потеря сознания. В его случае все это быстро приведет к сердечной недостаточности и к смерти. Если верить книге, весь цикл завершится примерно через четверть часа. Все, что ему осталось - это пятнадцать минут отвратительной агонии! Конечно, существуют и лекарства - прокаин, антибиотики и антигистамины - если его слабое сердце выдержит их. Но они должны находиться под рукой. Даже если бы дома или у доктора Каузака оказались бы в наличии эти современные препараты, он не смог бы попасть на виллу "Маленькие волны" раньше, чем через час. Первый приступ боли как будто прострелил все тело майора и заставил его сложиться пополам. Затем второй, третий приступы радиальной конвульсией прошли от желудка до конечностей. Во рту появился сухой металлический привкус, в губы словно вонзились иголки. Он вскрикнул и свалился со скамейки. Пошлепывание хвоста рыбы по песку рядом с его головой напомнило ему о скорпене. Болевые спазмы временно прекратились, но все тело было в огне. Мозг работал четко. Ну конечно! Эксперимент! Он должен, он обязан добраться до Осьминожки и отдать ей добычу! "О, моя милая Осьминожка, будет тебе последнее угощение".

Повторяя эти слова, майор Смит на четвереньках отыскал маску, с трудом натянул на голову, схватил гарпун со все еще бьющейся рыбой и, прижимая свободной рукой живот, сполз по песку в воду.

До кораллового убежища осьминога было пятьдесят ярдов по мелководью, и майор Смит со стонами, не снимая маски, кое-как преодолел это расстояние, большей частью ползком на коленях. Когда глубина воды увеличилась, а до цели оставалось совсем немного, ему пришлось встать на ноги, и он от боли задержался и зашатался из стороны в сторону, как кукла-марионетка на ниточках. Наконец он добрел и огромным усилием воли, стараясь устоять, наклонил голову, чтобы набрать немного воды в маску для прочистки стекла, запотевшего от его стонов. Затем, не обращая внимания на кровь, хлеставшую из нижней губы, он с трудом наклонился посмотреть на обиталище Осьминожки. Да! Ее коричневая масса была на месте и

возбужденно шевелилась. Почему? Майор Смит увидел медленно опускающиеся в воде на дно черные сгустки крови. Ну конечно же! Милая Осьминожка распробовала его кровь. От очередного приступа боли голова у Смита пошла кругом. Он как в бреду услышал свое собственное бормотание в маску: "Соберись, Декстер, старина! Дай Осьминожке пообедать! " Он сделал над собой усилие и восстановил равновесие. Взяв гарпун поближе к нижней части древка, он опустил скорпену к уже ходящей ходуном норе.

Возьмет ли Осьминожка наживку? Ядовитую наживку, убивающую сейчас майора Смита, но, может быть, безвредную для осьминога? Эх, если бы Бенгри мог оказаться рядом и понаблюдать! Из норы возникли три сильно извивающихся щупальца и закружились вокруг скорпены. Перед глазами Смита стоял серый туман. Он был близок к потере сознания, но все-таки попытался развеять этот туман и слабо потряс головой. И тогда щупальца обвилились, но не вокруг скорпены! Вокруг руки майора Смита, почти до локтя. Его рот перекосялся в гримасе удовольствия. Наконец-то он и Осьминожка пожали друг другу руки! Как это увлекательно! Поистине восхитительно! Однако затем осьминог спокойно и неумолимо потянул руку вниз и до майора Смита дошел ужас всего происходящего. Он собрался с остатками своих сил, ко вместо удара лишь погрузил гарпун еще ниже, в результате чего скорпена просто вошла в массу осьминога, а рука майора была захвачена еще дальше. Щупальца ползли все выше к плечу и тянули к себе все настойчивее. Майор Смит сбросил маску, но слишком поздно. Над пустынным заливом раздался оглушительный вопль, его голова скрылась под водой, а на ее поверхности забулькали пузырьки воздуха. Затем показались ноги майора Смита и маленькие волны ласково покачивали его тело, в то время как осьминог исследовал полостью рта захваченную правую руку и сделал первую попытку вонзить в один из пальцев свои клювообразные челюсти...

Тело было обнаружено двумя местными ребятами, ловившими спиннингом с каноэ рыбу- иглу. Они пронзили осьминога трезубцем майора Смита, убили его традиционным способом, вывернув наизнанку и откусив голову, а затем привезли все три тела домой. Труп майора Смита был передан полиции, а скорпена и осьминог пошли на ужин.

Корреспондент местной газеты "Дейли Глинер" сообщил, что майор Смит был убит осьминогом, однако газета в своей заметке исказила данный факт и передала его словами "был найден утопленник". Чего не сделаешь для того, чтобы не отпугнуть туристов! И уже позднее в Лондоне Джеймс Бонд, сделав лично для себя вывод о самоубийстве, фиксировал в заключении по делу те же слова - "был найден утопленник майор Смит". На последнем листе распухшей папки была проставлена дата, что и в газете. И только благодаря запискам доктора Каузака, который производил вскрытие, появилась возможность написать своеобразный постскрипtum к нелепой, но трагической кончине бывшего офицера секретной службы.

1) - "Чтобы стать миллионером, нужно пострадать!
(франц.)